

Владимир Поляков

Дерево

В центре Европы в одном из месяцев 1999 года, по предсказанию великого Настрадамуса, когда все астрономы планеты Земля наблюдали солнечное затмение, впервые за многие десятилетия диск Луны, закрыв диск Солнца, не оставил полное коронарное сияние!!! Солнечная корона лишилась двух бликов своих — правого и левого. Началось великое несправедливое противостояние!!! Мир долго ищущих, долго жаждущих справедливости, бывших со злом, деформированных! Началась эра противоборства. Казалось, все исправится, только найдем маленькое такое решение, в виде глупых договоров, чаще односторонних, а в самом деле с собой, с тупой уверенностью в своей безнаказанности, столь тупых, как нам казалось, но верных. Поборемся с терроризмом, а не это только усугубляло и без того бездарные решения политиков, а за кончилося, как всегда, кровопролитием! Самая глупейшая теория с задания Мира и по сей день, теория, где сильный побеждает слабого, а работа! Сколько великих мира сего дрались, возмущались себя спасителями или благодетелями обездоленных, немощных, жаждущих справедливости. Во имя Господа пытались спасти заблудших сирот своих? Владея массой умного и губительного оружия, врали, обманывали, льстили и убивали, убивали, убивали!!! Под видом спасения себя, своей страны, мира, лгали и лгали! Спасли? Век XXI от Рождества Христова доказал тщетность попыток наших! Наступила великая депрессия! Кризис, сначала один, потом второй, грядущий третий. Сплошное вранье! Купить доллар и предсказуемая гибель его. Дайте срок! Придет. Страшный, по размерам его — необъемлемый! Лишь немногие, далеких великими ком-беспомощные, да и кто их услышит, сирых, не владеющих великими компаниями, полунных, предавали повернуть время вспять. Не по-слушали. Не себя, ни разума своего. А жал! Время действия — наше, место действия — решайте сами...

Вечер. Солнце клонится на закат. Маленькая заводь тихой речушки. Красненький поплавок постсоветского производства. Уставший от ежечелной, беспотковой, никому не нужной и никем не обесцененной жизни мужичок-пенсиянер. Заметьте: пенсиянер не по выслуге. В таком возрасте в наше время не то, чтобы уже не рыбачит, а уже не живет. Но жив и здоров! Чего и вам пожелаем. Клоует не ахти как, но неважно. Иногда донимают оводды. В садке десятка два плотвы и прочей мелочи. Дремлет бедненький. Назовем его Иваном, или как вам будет угодно. Темнеется, пора бы и домой.

Ан нет. Мужичку Ивану лмаа лопать.

жала так клубочком не больше кошки размером и мерцало себе.

- Господи! — подумал Иван, — как же оно говорит-то? И ведь я слышу! А может, мне блазится?

- Ты это брось, — услышал он. — Не обращай внимания. Так все умеют. Ты просто за-был. Учись, вспоминая и не отпекайся. Все, что сейчас поспросишь, только не торопись, я постараюсь исполнить. Только не торопись, пожалуйста. Подумай, хорошо? Я ведь знаю: просить просто, да и, пожалуй, скучно. Ты не поверишь...

- Я, пожалуй, и попросил бы, только пока не знаю — что. Давай покурим?

- Давай. Тебе «Приму» или покруче чего?

- Да нет, я привик...

- Ну, хорошо.

- Иван задымил.

- Вы, пардон, откуда?

- Зря ты так. Мы местные. Не обижайся, конечно. Но, увы. Учился в. Ждешь чего-то путного, перемен каких-то — ан нет, все одно. Только мало-мало оперитесь, а туда же. Мало вам. Жаль. Четвертый раз уже. Неужели все без толку? — Я что-то не понял? Это я-то не местный?

- Ты послушай. Местный. Говорю же, в четвертый раз. Хотя нельзя мне, но тебе можно. Ты все одно ничего не решаешь. Ошибка произошла, понимаешь? Обидно, но почему-то тебя жалко! Затмение нынче видел? Боюсь, что нет, а жаль. Спираль повернулась, а вы...

- Эх! Главное, опять проморгали. Миллионы лет! Динозавры исчезли, три цивилизации до вас в лета канули. А вы все одно! В Бога не верите! Уж посылали вам послышки, намеки делали.

- Послания писали. Не одно! Предупреждали. Все без толку! Опять за свое! А ОН-то в вас верит!!!

- Ты про кого это? — испуганно спросил Иван.

- А то не знаешь — оно вздохнуло. Вот именно — вздохнуло, да так горестно, не пе-

поднялся и пошел домой.

- Все! Хватит, больше не приду. Нашелся праведник, — подумал он.

Ночью ворочался, думал. Вставал, пил воду, думал. До рассвета собрался, оделся, вышел. Что-то делал, копал, дрова колол, тянул время. Сходил к соседке за молоком, откушал. В рот ничего не лезло. Злился про себя:

- Чего привязались! Обман один. Расскажи кому — не поверят. Или дураком скажут! Черт меня дернул срыскалкой этой! К вечеру собрался, оделся в чистое — пошел. Пока по пугу брел, думал:

- Что просить? Денег? Стыдно. Здровья — как Бог даст. Бабу не вернешь. Дорогу до района? А вдруг, как управа, обманут?

Пришел, сел. Ямка еще мельче стала. Покурил. Смеркалось. Тут опять:

- Дзынь!

Ешкин кот, — веревочка!

Дернул.

- Привет! Рады видеть!

- Взаимно. Мне интересно, вы все можете? Или, как в передаче «Очевидное — невероятное»?

- По твоим понятиям, наверное, все. — Всеёе!

Иван перекрестился. Первое, что пришло в голову.

- А бабу вернуть можете? — и тут же напугался своим мыслям.

- Конечно, можем. Тебе на сколько? Полчас хватит?

- Живую? — Дед испугался, — Хватит!!! Звоночки брякнули... Ешь твою мать!

Бабка напротив сидит! Веселая такая, улыбаётся.

- Вань, ты что хотел-то? Болееешь, что ли? Да, вроде, нет. Вид только какой-то бледненький? Кушаешь плохо? Ты день-ги-то не жалеи, там они ни к чему.

Иван на колени встал и подполз к бабке. Руку протянул, пощупал подол: настоящий!

- Сторонька! Родненькая моя! Живая! — А ты Вань, что, схоронил и думаешь

Иваном, или как вам будет угодно. Темнеет, пора бы и домой.

Ан нет. Мужичку, Ивану, дома делать нечего. Один, как перст, он. Бабу сгорючили. Умерла сердешная. Сидит да на звездах первые, которые в воде отражаются, поглядывает. Вон одна — полетела, родимая, да и погасла. Вон еще одна, тоже погасла. Глядь, а третья-то летела себе, летела, а гаснуть не собирается! За спиной шипит, летит себе и не гаснет!

— Ешь твою мать! — подумал дед, — не гаснет! И прямо в кусты за спиной падать собрался. — Во, как есть, туда и упала!

Дернул дед удилком, бросил на берег, да и бежать!

По лулу, куда ни шло, а в кустах тесновато. Ну, думает, где наша не пропадала, добегу, а там видно будет. Недолго и бежал. Сразу за протокой — глядь, сиянье-це небольшиенькое случилось!

— Эка, невидаль, — подумал, — горячее видать!

Жутковато, конечно! Но не отступать же. Шлепает дальше. Ближе, ближе дождь подбегает. Подошел, смотрит:

— Мама, дорога! — свет от земли. Не смильный, но заметный. Яма, вроде воронки. Дымка не видно, свет холодный, как от лампы в клубе, рассеянный.

— Гляну, подумал, — опять же интересно!

Заглянул. Яма как яма. На дне ничего не видно. Спустился. Земля немого теплая, но ноги не жжет. На дно ступил, свет погас. Только сверху свечение. Голову поднят.

— Иисусе Христе! — шнурок висит! Тотенький, такой. И не до неба, а так — висит с полметра высотой и прямо над головой!

— Что делать? — думает.

Рука сама потянулась. Потрогал — холодный шнурок-то. Большим и указательным пальцами пошарил — ничего. Дернул, присел. В башке сначала звонок, как в телефоне, звякнул, а потом голос послышался, приятный такой и вежливый.

— Здравствуй, дедушка! Не бойся.

— Ты кто? — растерялся Иван. — Тебе чего надо? Можно, я пойду?

— Если желание есть — иди. Мы думаем, ты поговорить хочешь.

— Страшно как-то. Ты обзовись.

— Мы к вам в гости. Не совсем к вам, но в гости. Зови, как назовешь.

— Что, имени нет? Я так не могу. Обзовись.

— Ты, прежде чем нас позвал, подумал про шнурок? Вот шнурком и зови.

— Э-э-э, не солидно как-то!

— Неважно это. Сейчас ты успокойшься, и поговорим. Тебя Иваном зовут, и меня так же зови, хорошо?

— Деду, и впрямь покойно стало, словно во сне это, а не наяву.

Он поймал себя на мысли, что он не знает, что бы сделал, если бы знал.

— Ты что, и впрямь все можешь и все знаешь?

— Он потрогал землю. Земля была теплая и родная, своя, одним словом. Отглаголся. Вспомнил.

— А закурить не найдешь?

— Вредно это, Иван, — ответил голос. — Ну, да ладно, кури. И сейчас же Иван почувствовал во рту сигарету. Машинально выдернул — любимая «Прима», и дымит. — Спасибо, — и чуть не лянул: «Откуда знаешь?»

— Ишь ты, сервис, какой! — Слово «сервис» он в книжке библиотечной недавно прочитал, чем немного гордился. — Что хотели-то? Я, может, многое хочу знать. А ты, ешкин кот, все ответы знаешь? Дед ощерился. — Ну, хитрован! А еще Иваном называешься. Не верю я вам! Подумать надо. Сразу так не получается. Обманешь, поди.

— Извините, Иван, времени у нас мало, поговорить хотелось бы, да пора нам — депного. Приходите завтра в это же время сюда на рыбалку. Придете, за шнурок дернете — поговорим. А сейчас прощайте....

И голос растаял, как и не бывало. Иван еще с минуту посидел, прислушался. Позвал. Поднял голову, повертел вправо — влево. Ни звука, ни духа. Вздохнул.

— Причудится же такое!

Вылез из ямы и побрел за манатками. Дорогой думал:

— Завтра обязательно приду! Вежливый какой! Сигареткой угощает. Попрошу что-нибудь, может, даст. Денег лучше, да побольше.

ГЛАВА 2

Назавтра пришел загора. Боялся, конечно, чем черт не шутит! А вдруг и правда все блажь. Место заранее осмотрел, воронка есть, правда мельче стала. Ждал часов около двух. Солнышко за горизонт пошло да и потихоньку скрылось. И тут словно в воздухе струна лопнула — дзынь! Повис шнурок-то!

— Адренный корень! — воскликнул Иван. — Не приснилось, видеть.

— Что же спросить-то? — с перепугу все из головы-то и вылетело.

Все-же веревочку дернул! Да так дернул — приходи глядеть! За всех, старых, старых, малоимущих — рискнул! Подтянулся и дернул! Упал, оглянулся.

— Здравствуй, Иван! — молвило.

— Молодец, пришел! Я уже подумал — не придишь — испугался. Ты только ничего не бойся. Я тебя не обижу. Ты такой маленький. С тобой даже мне страшно.

Веревочка стала опускаться к земле, собираясь, как будто в клубок, и тихонько опустилась на землю против его ног. Ле-

редать Ивану словами. Жутковато стало.

— Любит он вас! Значит, придется все сначала...

— Ты это, перестань пугать-то! Почему сначала? Нам и так хорошо! Мы, может, только и жить-то начали. У меня нынче пенсия прибавилась. Хватать стало на все, почти. Ну, а если чего и нет, то и по дождать можно. Жалко, бабки нет, а так вроде и пойдет.

— Вот именно, пойдет — оно ухмыльнулось. Тебе, может, и пойдет. У тебя телевизор есть? Газеты читаешь?

— Читаю и смотрю. Чудно в мире-то. Интересно. Правда, жалко людей иногда. Но ведь так всегда было.

— Что ты, горемычнейный, знаешь-то? Душа, не болит ли? Прислушайся. Разве тебе не больно, когда каждую шестую секунду на земле умирает с голоду человек? Когда детей используют, как материал на органы? Насилуют те, кому предписано их боготворить, бросают, как ненужную вещь, продают святая святых. Взамен на что? На окрашенную в бледно-зеленый цвет купюру? Которая, поверь мне, не стоит клетки разумного человека!

— Жалко, конечно! А то нет! Ты это брось! Вон у нас в селе. — Иван запнулся, пытаясь что-то вспомнить хорошее, но, к своему сожалению, так быстро не мог — Я-то, что могу?

— Вот именно! Поговорили, называет-ся. Ну, давай, проси!

— Да ни хрена мне от тебя не надо! — с обидой воскликнул Иван. — Душу разбереди, и все! Подумаешь, будто я без тебя не знаю, что и как! Да пошел ты....

Веревочка пропала. Слышно было, как в траве стрекотали кузнечики и шумела перекатами речка.

— Поговорили, называется... — Иван шаг...

— все! Дурачок ты. Мы, почитай, с тобой жизнь целую прожили. Деток с внуками вырастили. Ну, рано тебе еще сюда, не созрел!

Бабка рассмеялась, да так задорно, словно молодая. Обидно Ивану сделалось.

— Это мне рано? Это я не созрел? Да я, может, вперед тебя собирался, да ты дунула! Я же всегда болел, а тут... — Иван опомнился.

— Стора. Вернись, без тебя плохо... — Потерпи, Вань.

Старик заплакал. Кулаком вытирал слезы, сопли. Ревел, как баба, навзрыд. Голову поднял — никого!

— Поговорил?

— Да пошли вы все!!!!!!!

— Как, скажешь, Ваня. Жаль.

Старик ночь не спал. Думал. Вы знаете, про что.

На другой день, луна была на исходе. Иван, побрился, переоделся в чистое, про себя решил:

— Если придут — никаких бабок! Хватит. С ума схожу! Что люди подумают? Спрошу про конец Света. В телевизоре. Про это трещали каждый день.

Пришел. Сидел в ямке, совсем мелкая сделалась. Солнышко садилось за тучу. Стемнело не сразу. Половину папки скинул. Не заметил, как задремало. Веревочка сама между ног свернулась, — Вань, не надо переживать. Мы же не зря в четвертый раз к вам приходим. Не твоя вина, не горюй. Похоже, у вас мало шансов, но, я думаю, еще есть.

Небольшие, но есть. Вы разные — это хорошо. Может быть, договоримся. Ты себя береги. Я верю, еще увидимся. Прощай...

Больше Иван в то лето их не слышал...

30 августа - 2021 - С.С.